позволяют в полной мере раскрыть понятие одиночества, эксплицировать данный концепт, ограниченный лишь сознанием человека.

1. Ангелова М.М. "Концепт" в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. Выпуск 3. – М., 2004. – С. 3-10.
2. Гизатуллина А.В. Падение Берлинской стены в творчестве немецкоязычных авторов: проблема рецепции // Литература в диалоге культур: проблемы рецепции инокультурного текста: коллективная монография / Отв. ред. А.М. Борисов, Е.М. Шастина. – Елабуга: Издательство Елабужского института Казанского федерального университета, 2015. – С. 173-195.
3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
4. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. – 2013. – С. 127-131.
5. Рильке Р.М. Стихотворения: Сборник / Составл. В. Куприянова. 2-е изд-е, дополн. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 416 с.
6. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 58-65.

Такоева Т.А.

Начинательность и способы ее формирования в языках разной типологической модели

*ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста
Левановича Хетагурова»
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-06-2020-418

idsp: ljjournal-06-2020-418

Аннотация

Статья рассматривает соотношение языковых возможностей разносистемных языков при передаче аспектуального значения начала действия.

Ключевые слова: аспектуальное значение, фаза начала, контрастивная лингвистика, разносистемные языки.

Abstract

The article compares the lingual potential to transmit the meaning of beginning of the action by the languages with different structural organization.

Keywords: aspectual meaning, initial phase, contrastive linguistics, languages with different structural organization.

Начинательность как одну из аспектуальных характеристик глагола можно считать грамматической универсалией, в той или иной мере присущей любому естественному языку. Подстраиваясь под потребности своего носителя, каждая лингвосистема включает в свою активность разнообразные языковые средства для трансляции начальной фазы действия или события. В теории аспектуальности *начинательность* рассматривается как элемент фазовости, которому присуща общая аспектуальная семантика начала глагольного действия. Иначе говоря, по признаку фазовости глагольные образования со значением начала объединены в начинательный способ действия (СД). При этом под способами глагольного действия понимаем различные типы семантических модификаций глагола с точки зрения временных, количественных и «специально результативных характеристик» [7, с.596], сформулированных установленными формальными языковыми средствами

(приставками, суффиксами или всевозможными комбинациями этих последних) [3, с.104].

В каждой из привлеченных к анализу лингвокультур (русской, осетинской, английской, турецкой) начинательный СД зачастую эксплицируется своими собственными, отличными от других языковыми средствами (морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексическими). Как показывает разбор эмпирического материала, начинательный СД может быть сформулирован как на уровне смыслового глагола, так и в пределах словосочетания, предложения или даже контекста в целом. Замечено, что анализируемый СД далеко неоднороден в своих дискурсивных проявлениях. Так, в частности, в русской лингвокультуре наиболее продуктивным оказывается инхоативный СД, который формируется при помощи приставки *за-* и регулярно образуется от обозначений гомогенных ситуаций, не имеющих ни начальной, ни конечной фазы развития [3, с.107].

И тут же послышался пронзительный крик- такой, что деревья погнулись, забурлило озеро и волны хлынули на берег, а звери, заночевавшие в роще, испугались и, толкая друг друга, пустились бежать [8, с 47].

И вот наступил день, когда вспомнил нарт Ахсартаг о брате своем Ахсаре и загрустил [8, с47].

По мнению Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева, отличительной особенностью глаголов инхоативного типа является отсутствие у них вторичных имперфективов, в отличие от так называемых несобственно-инхоативных глаголов, имеющих соотносительные формы несовершенного вида (запеть-запевать, заболеть-заболевать, закурить-закуривать и др.) со значением процесса прохождения начальной фазы.

На стол положили нарты эту чудесную свирель, и она звонко и весело запела: Возьми чашу ронга!... [8, с46].

Ингрессивный способ действия имеет гораздо менее определенные очертания. Сюда, по мнению исследователей, относим глагольные образования с формантом *по-*, в значении которых присутствует идея начинательности процесса. Это могут быть приставочные глаголы движения, такие как поскакать, помчаться и т.д. или глаголы однонаправленного движения типа пойти, побежать, полететь и т.д. К этой же группе относим и глагольные лексемы, образованные от глаголов восприятия или внутреннего состояния: показаться, почувствовать и т.д.

Разозлился Уастырджи, вскочил на своего трехногого коня и с борзой собакой своей **поскакал** по берегу моря [8, с.57].

К ингрессивному СД Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев относят также глаголы с приставками *о-/-об-* и *у-*, обозначающими наступление некоего внутреннего состояния: опечалиться, ободриться, устыдиться и т.д.

Увидав на дворе своем сотню оленей, Сайнаг-алдар **опечалился** и **рассердился** [8, с. 384].

По мнению ученых, у большинства глаголов ингрессивного СД значение начала действия несколько ослаблено, так как искомое видовое значение здесь в каком-то смысле смежается с результативностью. Иначе говоря, начало процесса оказывается равнозначным его осуществлению.

Подытоживая сказанное, заметим, что инхоативный СД эксплицирует *постепенное* начало глагольного действия, в то время как ингрессивный СД транслирует его *внезапное* начало. Однако при этом далеко не все исследователи русского вида дифференцируют обозначенные аспектуальные характеристики в пределах начинательного СД. Тем не менее, все они единодушны во мнении, что оба типа начинательности характеризуют действие как предельное, так как они указывают на точку отсчета, временной предел, ограничивающий протекание действия на временной оси.

Известно, что начинательный СД в русском языке достаточно частотно формируется аналитически, посредством фазовых глаголов типа начать, стать, приняться. Например:

Стали они издеваться над седи́нами Уархага и назло приставили его бессменно пасти скот[8, с.54].

Подошел он поближе к шатру и **стал** его разглядывать [8, с. 47].

Однако если для русской языковой культуры синтетический способ репрезентации начинательного СД, несмотря на его высокую продуктивность, все же не является ключевым, то в английском языке такого рода образования оказываются не просто частотными, но и основными в характеристике искомого аспектуального смысла. Так, в частности, в английской лингвокультуре в высшей степени востребованными становятся глагольно-аналитические конструкции, образованные посредством фазовых глаголов *to begin*, *to start* в сочетании с глаголом-носителем основного номинативного значения, когда речь заходит о необходимости транслировать аспектуальное значение начальной фазы действия или события.

Nartæ placed the wonderful flute *udævdz* on the festive table, and it **began to play** on its own accord, merrily and resoundingly: ‘Take a cup of mead!... [10, с.17].

Tears **began to flow** from his eyes: ‘My sons *Æxsar* and *Æxsærtæg* have perished, but I am happy that our breed has not passed away.’ [10, с.45].

Начинательность в английской языковой системе может быть также представлена глагольно-аналитической конструкцией, где первый компонент показан одним из следующих глаголов: *to get*, *to become*, *to grow*, *to go*, *to come*, *to turn*, *to fall*, *to run*, *to wear*, а второй – представляет собой не что иное, как прилагательное психического или физического состояния. Такие образования содержат в своей семантике значение постепенного наступления одного из упомянутых состояний или переход в это состояние (например, *to grow angry* – злиться, *to go mad* –сойти с ума)

Wærhæg **grew angry** at this [10, с.29].

Значение начинательности в английской лингвокультуре способны привносить и поствербальные частицы типа *up*, *out*, *on*, *off*, *to*, *back*, *away*, *into*[2, с.145].

The apple tree was suddenly **lit up**, and *Æxsærtæg* saw a pigeon near the magic apple [10, с.23].

The Nartæ, as befits those who spend their life on campaign, **went off** on a dangerous expedition [10, с 17].

When *Dzerassæ* entered the tent, all inside was **lit up** by the radiance of her face [10, с.29].

Then *Æxsærtæg* pulled up the ends of his overcoat and **stepped into** the water and down to the bottom he went...[10, с.23].

Таким образом, как показывает эмпирический материал, в английской языковой культуре переход от отсутствия действия/движения к его начальной фазе, фиксируется в большинстве случаев аналитически, на уровне синтаксических единиц.

В осетинском языке в выражении значения начала действия принимают участие преимущественно морфемы. Среди них формант *а-* (с глаголами перемещения), *ба -*, *ны-* (для передачи интенсивного/мгновенного начала процесса), а также форманты *с-*, *ær-*, *æрба-* [1, с.237-247]. Так, в частности, преверб *а-*, присоединяясь к глаголам движения-перемещения при условии актуализации значения однонаправленности в пределах контекста, указывающего на конечную цель движения, выступает показателем видового значения начинательности. Например:

Уырызмæг хæрæгыл сбæдтис фæстæрдæм æмæ **ацыдис** Ныхасы астауыты [10, с.60].

Сатана хаст галтæ уæрдонь сифтыгъта, гуыффæ байдзаг кодта фæсалæй, гобан дзы айтыдта, гауыз ыл æрæмбæрзта, фынай лæджы уым аваердта æмæ **араст** ис йæ цæгатмæ, хæдзары исбонай æппындæр ницы рахаста, афтæмæй [10, с.64].

Хæдзары хъазыд иу чысыл лæппу: куы иуырдаæм азгъоры, куы иннаердаæм — йæ фæзмæлдыл цæст нæ хæцы, афтæ рог [10, с.72].

Обращает на себя внимание, что формант *ба-* участвует в образовании начинательного СД со значением результативности, либо результативно-начинательного СД.

Уырымæджы зæрдæ йæм **бахъазыд** æмæ йæм кæсгæйæ баззад [10, с.72].

В такого рода глагольных образованиях значение начала действия является по существу результатом, на достижение которого это действие и направлено.

В высшей степени продуктивной в осетинском языковой культуре показывает себя и приставка *ны-*, для которой наиболее характерным аспектуальным значением представляется значение *интенсивности* глагольного действия. Например:

Рухс хуры тынтæ **ныккастис** Уæрхæгмæ, базыдта, хъæбул куыд адджын у, уый [10, с.16].

Нарты адаæм—стырæй, чысылæй, зæрондæй, ногæй—худæгæй **ныффæлдæхтытæ** сты, сæ фыр худтæй уæлæмæ стын дæр нал фæрæзтой [10, с.60].

Уæрхæджы хуынд уазджытæ иннабонæй-иннабонмæ минас фæкодтой, стæй уæд **фæфардаг** сты: Куырдалæгон абадтис цæхæр уады хъысыл æмæ **ныппæррæст** ласта уæларвмæ, хæдтæхгæ Пакъуындзæйау, Донбеттыр та фестадис æргъæуон цæхæр кæсаг æмæ **ныцъыллинг** кодта стыр фурды бынмæ; Нарт дæр **фæфардаг** сты хæтæны, стæронтау [10, с.16].

Кæсы, æмæ'виппайды бæлас **ныррухс** и, æмæ йыл бады æртæ 'хсинæджы [10, с. 22].

Безусловно, начинательный СД в осетинской лингвосистеме, преимущественно синтетической в своей структурной модели, может быть представлен и синтаксически, при помощи конструкций с фазовыми глаголами:

Райдыдтой Уæрхæджы зæронд сæрæй хъазын Нарты фæсивæд æмæ йæ скодтой фыдæнæн рагъаугæс Нартæн [10, с. 28].

В турецком языке, агглютинативном по своей структурной отнесенности, где все грамматические формы эксплицируются преимущественно однозначными аффиксами, и морфология отличается высокой устойчивостью и практически полным отсутствием исключений, значение начинательного СД репрезентируется частотнее всего грамматическими конструкциями с фазовыми глаголами *başlamak*, *girişmek*, *koyulmak*, содержащими в своей семантике переход от отсутствия действия или движения к его началу. Так, в частности, искомое аспектуальное значение передается глагольно-аналитической конструкцией *başlamak* в сочетании с дательным падежом имени действия на *-mak/-mek* и *ma/-me*:

Nartlar kavali masanın üstüne koyar koymaz olağanüstü çalgı çalmaya ve şarkı söylemeye **başladı**: Al, iç gönlürce...[11, с. 25].

Начинательный СД в турецкой лингвокультуре может присутствовать и в семантике полнозначного глагола:

Bu arada Ehsarteg giysilerini üzerine iyice sararak mutlu bir şekilde denizin derinliklerine **daldı** [11, с.26].

Безусловно, в турецкой лингвосистеме, как впрочем и в других языковых культурах, независимо от их принадлежности к той или иной типологической модели, вполне допустима и контекстуальная передача видового значения начинательности. В такого рода случаях, функцию начинательной детерминации глагольного действия берут на себя неглагольные лексические средства, такие как *birden* (вдруг), *ilk defa* (впервые) и другие[5], при этом глагольные формы прошедшего времени служат своеобразным аспектуальным актуализатором этих последних.

Birden ağac aydınlandı ve ağacın üzerine üç güvercin kondu [11, с.26].

Обращает на себя внимание следующий факт. Если в русских претеритальных повествовательных текстах отмечается высокая степень обязательности выражения

границ деятельности или процесса, включенных в повествование [6, с.109], то для турецкого языка, выражение начинательности глагольного действия представляется, конечно же, значимым, но не облигаторным.

Таким образом, разбор эмпирического материала обнаруживает, что все четыре привлеченные к анализу лингвокультуры (русская, осетинская, английская, турецкая) располагают достаточным арсеналом для передачи начинательного СД. Однако соотношение языковых возможностей для трансляции искомого аспектуального значения в пределах исследуемых языков разнится. Так, если в русском и осетинском языках задействованы в первую очередь морфологические средства, значимость которых эксплицируется уже тем обстоятельством, что эти последние активно задействованы при формировании видовой оппозиции совершенный вид/несовершенный вид глагола [4, с. 55], то в английской и турецкой языковых системах приоритетными оказываются аналитические конструкции или контекст в целом, которые зачастую дополняют друг друга.

1. Ахвледиани Г.С. Грамматика осетинского языка. Т.1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: НИИ при совете министров СОАССР, 1963. – 369 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
3. Зализняк Анна А. Введение в русскую аспектологию / Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
4. Калабекова Л.Т. Способы глагольного действия в контрастивном освещении (на материале французского, русского, осетинского языков). Владикавказ, Изд-во СОГУ, 2015. – 196с.
5. Кузнецов П.И. Категория вида в турецком языке: видовые аспекты. Сборник статей. — М.: МГУ, 1996. — №2. С. 213-228.
6. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований), Москва, 2009.
7. Русская грамматика -1980/ Н. Ю. Шведова (гл. ред.). — М.: Наука, 1980. — Т. 1. – 743с.
8. Сказания о нартах. Осетинский эпос. Изд. переработанное и дополненное. Пер. с осет. Ю. Либединого— М.: «Советская Россия», 1978. – 512 с.
9. Нарты кадджытæ. – Владикавказ: Алания, 1995. – 344с.
10. Равзаргæ Нарты Кадджытæ. Selected Nartæ Tales. – Цхинвал: Хуссар Алани, 2007. – 216с.
11. Nartlar Oset Halk Destanlari. Translated from French translation by George Dumezil into Turkish by Hayri Ata. 2014. OwnPub. – 254 s.

Шогенова Л.В.

Категория прекрасного в новеллах Заура Налоева

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.

Бербекова»

(Россия, Нальчик)

doi: 10.18411/lj-06-2020-419

idsp: ljournal-06-2020-419

Научный руководитель

Тимижеев Х.Т.

Аннотация

Статья посвящена категории прекрасного в новеллах Заура Налоева. Актуальность статьи состоит в том, что выбранная тема не была объектом исследования отдельной научной работы. Обусловлена актуальность необходимостью дальнейшей разработки проблемы изучения эстетического вопроса в кабардино-черкесской литературе.

Ключевые слова: категория прекрасного, философия, новелла, мировоззрение, духовность.